

Дашкова П. Источник счастья. М., АСТ: Астрель, 2007 540 [4] с.

[Проф. Свешников]: не называйте Россию новорожденной. Она существовала сотни лет. Огромная, сложная, прекрасная страна. Наша с вами Родина, со своей историей, культурой, наукой, армией, государственной системой. Сейчас у нас на глазах, при нашем попустительстве всю эту многовековую мощь уничтожили. Не татаро-монгольское нашествие, не Наполеон, не германцы с австрийцами. Свои.

С.327

Федор ясно представил пустой особняк, намертво запертую дверь. У него, в отличие от многих других в Москве и во всей России, в эти жуткие октябрьские дни почему-то не было сомнений, что чума обосновалась здесь надолго. При всей внешней абсурдности этой новой власти в ней есть сила и даже определенное обаяние, бесовской соблазн. Они говорят то, что от них хотят слышать измученные одичавшие массы. Солдатам обещают мир, рабочим – хлеб, крестьянам – землю. Когда все другие болтают, спорят, сомневаются, эти – действуют, с абсолютным, безоговорочным чувством собственной правоты. Не боятся крови, людского суда, Божьего гнева.

С. 443.

Не хватало рук и лопат, чтобы расчищать железнодорожные пути. В Петрограде хлебные очереди стихийно перерастали в митинги, выкрикивали лозунги и хором пели «Марсельезу». Громили булочные, размахивали красными знаменами, кричали «Да здравствует республика!».

Солдаты, казаки братались с бунтующей толпой, разгоняли полицию, стреляли в жандармов.

28 февраля Петроград был красен от знамен и пожаров, черен от толп и копоти. Пылали полицейские участки, Окружной суд, охранка. Открывались тюрьмы, выходили на свободу уголовники, оркестры играли «Марсельезу».

С. 303-304.

– В Петрограде хаос, ужас, войска переходят на сторону восставших. Михаил тоже отрекся. Что будет дальше, неизвестно.

– А как же Александра Федоровна, дети? – спросила Таня.

– Они в Царском, больны корью.

– Вы папе уже сказали?

– Нет. Пока только вам.

По Тверской шагала еще демонстрация, те же знамена, банты, крики:

– Долой правительство!

– Долой войну!

– Долой немку!

Не было уже никакого правительства. Некому продолжать войну. Полки бунтовали, дезертировали тысячи солдат, офицеров расстреливали или забивали насмерть.

Александра Федоровна в Царском Селе, беспомощная и потерянная, с больными детьми, ждала мужа, полковника Романова.

Петроград был в крови и копоты. Московские мостовые пока покрывались только слоем подсолнечной шелухи. С торговых домов фирм – поставщиков императорского двора сшибали двуглавых орлов. Были гудки бастующих заводов. В лавках били стекла. Города наполнялись дезертирами и уголовниками. В редакции популярного журнала «Нива» энергично стучали пишущие машинки.

«Россия свободна! Всем нам, русским людям, выпало на долю стать творцами новой русской эры. В вешние февральские воды на наших глазах в великой книге судеб нашей родины перевернута последняя страница невозвратного позорного строя!»

Вечером главный врач госпиталя собрал всех в своем кабинете.

– Господа, царь отрекся от престола. Манифест подписан. Россия свободна.

Кто-то стал аплодировать, кто-то жал руку соседу. Все поздравляли друг друга, даже шампанское появилось. Михаил Владимирович сидел в углу, низко опустив голову.

– Профессор, что с вами? Неужели не рады? Мы все так ждали этого, теперь начнется совсем другая, новая жизнь. Нет больше самодержавия, нет!

Михаил Владимирович поднял голову, оглядел всех и тихо произнес:

– Я царский генерал. Я присягу давал. Мне, господа, радоваться нечему.

С. 308.

– Слушай, как все было. Некто Владимир Львов, один из этих самозванных сумасшедших спасителей отечества, явился к Керенскому, сказал, будто Корнилов намерен взять всю власть, военную и гражданскую, в свои руки, а его сместить, чуть ли даже не повесить. Керенский поверил, испугался, послал Корнилову телеграмму с приказом о его отставке и потребовал отозвать третий конный корпус под командованием генерала Крымова. Но это было уже невозможно. Корпус шел к Петрограду, связь пропала. Керенский взбесился.

Пытался назначить на должность главнокомандующего вместо Корнилова сначала генерала Лукомского, потом Клембовского. Оба отказались. Деникин прислал телеграмму, что

полностью солидарен с Корниловым. Его тут же арестовали вместе со всем его штабом и бросили в тюрьму, на растерзание солдатне. Керенский назначил главнокомандующим себя. Тут как раз подсустились большевизаны. Послали своих агитаторов в войска разъяснять, что, мол, выступление Корнилова – гнусная контрреволюция, генералы хотят вернуть царя на трон, восстановить крепостное право и всех непокорных перевешать. Можешь вообразить, что тут началось.

С. 352.

Полковник оттащил от орудия юнкера.

Мальчишка, не старше семнадцати, смотрел перед собой безумными, белыми от гнева глазами.

В ночь с 25 на 26 октября в Петрограде его сестра, в составе женского батальона, защищала Зимний. Когда дворец был занят, ее изнасиловали пьяные революционные матросы. Она покончила с собой. Юнкер еще не мог знать этого, но, строча из пулемета, повторял: «Звери! Убийцы! Вот вам, за Вареньку! Вот вам!»

С. 431.

– Комедия обязана быть смешной, – заметила Таня, – оттого, что они взяли Питер, плакать хочется, а вовсе не смеяться.

– Да ты послушай! Ночью на 25 они стали тихо менять караулы, никто даже не понял, в чем дело. Подходили в юнкерской форме, называли пароли, к утру все мосты, вокзалы, банки, телеграф охранялись их постами.

– Откуда они знали пароли? – спросил Данилов.

А черт их разберет! В Инженерный замок вошли, как к себе домой, и сели, а все, кто был там, встали и ушли, ошеломленные такой наглостью. В итоге в руках правительства остался только Зимний. Там собрались министры. Душка Керенский догадался наконец позвонить в ставку. Не дозвонился. Часов в девять утра переоделся в форму сербского офицера, помчался к Пскову. Да, а большевизаны еще вот что придумали. Переломали весь правительственный автопарк. Наш живчик из дворца вылез, хватился, а ехать не на чем. Кинулся туда, сюда, в итоге одолжил автомобиль в американском посольстве. А Ленин сидит в Смольном, в парике, без бородки, даже физиономию забинтовал, для конспирации, но уже строчит декрет: Временное правительство, мол, низложено, вся власть принадлежит Военно-революционному комитету.

– Рома, правда, что они с Керенским учились в одной гимназии в Симбирске? – спросил профессор.

– Конечно, – Брянцев отхлебнул чаю, закурил, – наш живчик потому и был к этому прохвосту так странно снисходителен. Ну ладно. Значит, декрет готов, газеты его печатают. А министры сидят в Зимнем, ждут, когда явятся войска. Большевизаны крутятся рядом, пробуют атаковать, но только сунутся к дворцу, оттуда пах, пах. Казаки, юнкера бьют из окон. А этим под пули лезть неохота. Отступают. К вечеру ВРК грозит обстрелять дворец с Невы, подгоняет крейсер, но тут выясняется, что на «Авроре» этой боевых снарядов нет, затворы с орудий сняты. Разок холостым пальнули. Потом стали бить с Петропавловки. А там солдатня, матросня, пока ждали приказа, перепились в зюзя, прицел держать не могут, палят, куда придется. Только пару окон во дворце разбили да штукатурку попортили.

– А что Керенский? Доехал? – спросил полковник.

– Доехал, – Брянцев усмехнулся и покачал головой, – да только встретили его там казаки Третьего кавалерийского полка. Они с ним сначала даже разговаривать не желали.

Еще бы! После того как он их всех объявил предателями, арестовал Корнилова, Крымова, их командира, довел до самоубийства, – грустно усмехнулся профессор, – а странно все-таки. Там, где Керенский, непременно происходят разные недоразумения, между прочим, роковые для России.

– Миша, перестань. Ничего рокового. Оперетта. И вообще, не перебивай меня. В итоге Краснов с несколькими частями дошел до Гатчины, выбил оттуда большевизанов и встал в Царском, ждать, когда подойдут еще части, чтобы двинуться дальше на Питер. И вот все ждут. В Зимнем министры, казаки, юнкера. В Царском части Краснова. В Смольном большевизаны. Ночью из Зимнего стали расходится казаки, потом юнкера, артиллеристы. К полуночи защитников законной власти осталось совсем мало. Горстка юнкеров, подростки-кадеты да человек двести барышень, Женский батальон. Большевизаны сунулись, глядь, никто по ним из дворца больше уж не стреляет. Заходи – не хочу. Ну и полезли, сначала в окна, потом ворота открыли, ввалились во дворец толпами.

– Вот тут оперетта и кончилась, – мрачно сказала Таня, – что они сделали с Женским батальоном?

– Сама догадайся. Не маленькая. – Брянцев перестал улыбаться, тяжело вздохнул, закурил еще папиросу. – Это же банда, уголовники. Дворец громили, резали на портянки гобелены, обивку мебели, открыли винные погреба. Несколько революционных матросов утонуло в бочках. Женский батальон заперли в казармах Гренадерского полка. Потом, слава Богу, вмешалось английское посольство, сэр Бьюкенен выдвинул категорический ультиматум Смольному, барышень отпустили. Тех, конечно, кто остался в живых.

С. 511.

Но профессор все это пропустил мимо ушей и стал возбужденно зачитывать список членов Временного рабочего и крестьянского правительства.

– Председатель Владимир Ульянов (Ленин). Такой маленький, лысый, картавый? Дружит с германцами? Кажется, именно он заявил, что каждая кухарка будет управлять государством? Погодите, но ни одной кухарки я здесь не вижу. Рыков, Милютин, Шляпников, Скворцов. Никого не знаю. А, вот, Л. Д. Бронштейн (Троцкий). Человек с уникальной глоткой. Когда он выступал на каком-то митинге, в окрестных домах звенели стекла. Боже, а это кто? По делам национальностей, И. В. Джугашвили (Сталин).
Слушайте, может, именно он и есть та самая кухарка?

С. 447.

Разразившаяся к началу февраля эпидемия общественного пафоса не обошла стороной госпиталь. Все, от прачек до профессоров, говорили о политике, спорили, митинговали. Лихорадка ожидания перемен вселенского масштаба не щадила никого, превращала надежных опытных врачей в болтунов и рассеянных дилетантов, работающих аккуратных сестер в бестолковых бездельниц.

С. 301.

Госпиталь часто посещали комиссии от общественных организаций. Каждый такой визит сопровождался суетой, беготней, наведением внешнего лоска. Происходил торжественный обход палат, гости снисходительно и приторно, как со слабоумными детьми, беседовали с ранеными солдатами, госпитальное начальство подобострастно улыбалось. Финалом был банкет во французском ресторане поблизости. Звучали речи о скором восходе над Россией солнца народной демократии, о долгожданной победе над темными силами, о необходимости сплотиться в едином порыве борьбы за новую, свободную, цивилизованную Россию.

На банкетах много и вкусно ели. Между тем все острее чувствовались перебои с продовольствием. Очереди за мясом, за хлебом, за крупой гудели разговорами, ораторствовали кухарки, солдатки матерно поносили государыню. Ее особенно ненавидели, и единственным аргументом было то, что царица – немка. Немка – значит, сочувствует врагу, шлет ему по специальному телеграфу из Царского русские военные секреты. То, что Александра Федоровна была более англичанкой, чем немкой, как-то забылось само собой.

С. 302.

Бросьте, здесь никого нет. Улицы пусты и мрачны, как будто все уже произошло.

– Что – все?

– Революция, Апокалипсис, кровавый хаос, называйте, как хотите. В разных слоях общества говорят об этом, но никто не понимает цели и смысла предстоящих событий. – Володя заговорил глухо и хрипло, как будто он испытывал чувственное удовольствие, произнося «кровавый хаос». Даже дыхание его участилось.

С. 114.

Эпидемия всеобщего политического пафоса перешла в эйфорию.

В Москве, в Малом театре, после каждого спектакля показывали «живые картины». Занавес поднимался под звуки «Марсельезы». Декорация изображала лазурное небо с ярко горящим солнцем. Под солнцем женщина в русском костюме с разорванными кандалами, освобожденная Россия. Вокруг нее Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Толстой, Достоевский, Чернышевский. Здесь же сидит, скрестив руки, Бакунин, стоит Петрашевский, думает думу Шевченко. Перовская в черном платье, среди изможденных лиц в серых арестантских халатах, дальше – студенты, крестьяне, солдаты, матросы, рабочие. В мундирах александровских времен декабристы. Все победно поют «Марсельезу». Декорации и костюмы создал художник Коровин. Россию изображала актриса

Яблочкина. Живые картины всю весну 1917 года завершали каждый спектакль. Впереди стоял на сцене комиссар московских театров князь Сумбатов-Южин. Публика неизменно рукоплескала. У многих на глазах были слезы.

С. 315.

– Временное правительство себя изжило, – говорил Брянцев, – оно должно уйти с политической сцены. Надо дать этим лихим большевизанам скинуть его.

– И взять власть? – спрашивал профессор.

– Миша, перестань, – Брянцев смеялся, – они ни одного дня ее не удержат. Горстка сумасшедших фанатиков и бандитов не сможет управлять Россией. И как только в твою профессорскую голову приходят такие бредовые мысли?

– Пойми, Миша, они только орудие, немецкая дубина, – вторила бывшему адвокату Люба Жарская. – В умных руках она расчистит дорогу для тех, кто действительно способен навести порядок в России.

– Пока эта немецкая дубина с успехом крошит русскую армию, остатки государства, превращает наших солдат в кровожадных чудовищ, – возразил Михаил Владимирович. – И скажите мне, ради Бога, кто сейчас способен навести порядок? Кто может противостоять зверю?

С. 347.

После подавления корниловского выступления и ареста военной элиты все министры Временного правительства подали в отставку.

– Он выполняет задание Ложи, – сказала Люба Жарская о Керенском, – это часть мирового заговора темных сил. Большевики – бесы. Он расчищает для них дорогу. При первой возможности надо уезжать из России. С этой страной кончено. ... – Нет у Керенского никакого специального задания. Тщеславие, истерия, амбиции – вот тебе «темные силы». Но это не заговор мирового масштаба, это внутри самого человека, в его маленькой больной голове. Как всякий временщик и самозванец он упивается властью. Он ничтожество, вдруг поднятое на невероятную вершину. Больше всего на свете боится грохнуться вниз, ему нужна поддержка. Страх лишает его рассудка. Он чувствует, каким огромным влиянием сейчас пользуются в массах эти проклятые Советы, и старается им угодить.

– Миша, но ты же не станешь отрицать, что он масон, так же как все они – Некрасов, князь Львов.

– И что с того? Причастность к Ложе не делает человека умней, образованней, могущественней. Совсем наоборот, тайные ритуалы расшатывают нервы, рождают иллюзию всезнания, вызывают острый миссионерский бред. Все эти «посвященные», «инициированные» вряд ли были бы так жалки и беспомощны на своих министерских должностях, если бы действовали от лица мирового заговора.

Так в этом и есть суть их тайного задания – все расшатать, развалить, довести народные массы до полнейшего озверения и открыть путь зверю. Наступит его царство. Солнце почернеет, от прошлой России останется огромное кровавое пятно на карте.

– Люба, это монолог из твоей новой пьесы?

С. 374-375.

Они переиграли нас, Дисциплина. Мы сами виноваты. Мы их недооценили.

– Кого – их?

– В том-то и дело, что даже сейчас невозможно найти четкого определения. Формально это называется «партия большевиков». По сути – небольшая террористическая организация с марксистской идеологией.

– Карл Маркс, немецкий спирит, – вспомнил Агапкин, – он написал книгу о каком-то призраке, который бродит по Европе. Тень улыбки скользнула по губам Белкина, он грустно покачал головой:

– Пейте чай, Дисциплина. Карл Маркс не спирит. В юности он баловался черной магией, сатанизмом, потом занялся серьезными экономическими теориями. В его знаменитом «Манифесте» по Европе бродит призрак коммунизма. Но он тут вообще ни при чем. Он – только лозунг, такой же фальшивый, как прочие их лозунги. Власть – советам. Земля – крестьянам. Все ложь.

– Что же правда?

– Они победили. Вот правда. Мы проиграли, и теперь нам надо либо жить с этим, либо умереть. Впрочем, будущие историки обвинят во всем нас, **вольных каменщиков, как это случилось после Великой французской революции. Да еще, пожалуй, евреев, как это водится везде и всегда. Почему-то никто не желает учитывать простые законы эволюции. В статике нет развития.** Большинство злодейств и безобразий происходит не только от зависти, но и от скуки. Лишь избранные, философы, ученые, художники, способны ценить покой, стремиться к нему. Суэта, страх и бытовая неустроенность мешают собраться с мыслями. Но масса, толпа, у которой собственных мыслей нет, долго в покое и сытости пребывать не может. Чем примитивней человек, тем больше ему требуется внешних раздражителей и потрясений.

– Значит, им просто повезло? Они оказались в нужное время в нужном месте? – спросил Агапкин.

– Да. Именно так. Они учуяли кислый запах брожения, острую иррациональную тоску по Стеньке Разину и Емельке Пугачеву. – Мастер, но неужели все это нельзя было просчитать заранее?

– Я уже объяснял вам, Дисциплина, их не принимали всерьез. Их мало. Они России не знают. Конспирация, подполье, ссылки, годы за границей. Среди них едва ли двое, трое имеют законченное высшее образование. А в основном – недоучки с уголовным прошлым. Профессиональные революционеры. Нечто вроде тайного черного ордена с амбициями вселенского масштаба.

– Мастер, вы уверены, что они пришли надолго?

– К несчастью, да. Уверен. Хватка у них мертвая, как у английских бульдогов.

– Может быть, им переломают зубы?

– Хорошо бы, да некому. Сейчас почти никто еще не понимает важность и необратимость происходящего. Считают, что временный кабинет Керенского заменен новым временным

кабинетом Ленина и, по сути, ничего не изменилось. Это всеобщее заблуждение им на руку. Пока люди опомнятся, разглядят их, они успеют навести в России свои порядки, такие, что уже никто и не пикнет.

– Нет. Не понимаю, – Агапкин упрямо помотал головой, – как они наведут свои порядки? Как удержат власть, если их профессия – революция?

Дисциплина, вы меня радуете. – Мастер улыбнулся, на этот раз широко и открыто. – Первое разумное замечание за эти дни. Кажется, вы потихоньку приходите в себя. Поздравляю. Конечно, сами не смогут. Чтобы выстроить хотя бы примитивную государственную машину, нужны грамотные специалисты. Полицейские, военные, финансисты, учителя, врачи, дипломаты, шпионы. А диктатура, без которой им не обойтись, требует такого огромного чиновничьего аппарата, какой и не снился нормальному демократическому государству. Выращивать в пробирках сотни тысяч готовых, взрослых, образованных и совершенно лояльных особей они, к счастью, пока не умеют. Придется использовать тех, что есть. Это дает нам шанс если не сокрушить их, то хотя бы уцелеть. Сегодня они пришли ко мне предложить должность советника-консультанта при их комиссаре иностранных дел товарище Троцком. В Петрограде довольно профессиональных дипломатов, но товарищу Троцкому нужны мои неофициальные связи.

С. 472-474.

Я читала, что недавно начальником могилевского гарнизона назначили генерала Бонч-Бруевича, – сказала Люба, – он большевик, приятель Ленина.

А я его знаю! – Михаил Владимирович хлопнул себя по коленке. – Между прочим, ему мы обязаны тем, что Гришка Распутин был приближен к царской семье. О мистическом мужике ходили слухи, будто он хлыст. Бонч-Бруевич считался одним из лучших специалистов по русским сектам. Он торжественно засвидетельствовал, что Григорий Распутин – православный христианин, кристальной души человек. Если бы тогда выяснилось, что чудотворец имеет к этой ужасной секте хоть какое-то отношение, его бы при дворе близко не было. Между тем Распутин вырос именно в хлыстовской среде, и Бонч-Бруевич не мог не знать этого...

– Разумеется, знал, в частных беседах он называл Распутина прохвостом и сектантом, – перебил Брянцев, – но ты, Миша, все перепутал, это другой Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич. Генерал – его брат, Михаил Дмитриевич. Впрочем, большевики они оба.

– Генерал совсем недавно держался крайне правых убеждений, – сказала Таня, – он был тесно связан с охранкой. Теперь он, конечно, большевик. Его брат, специалист по сектам, давно и нежно дружит с Лениным.

– Боже, деточка, откуда ты это знаешь? – Жарская всплеснула руками. – И главное, зачем тебе это знать?

– Любовь Сергеевна, «деточка» вот здесь, – Таня положила ладонь на свой огромный живот, – а я взрослый человек.

– Ну, извини, извини, – смутилась Жарская, – конечно, ты взрослая, страшно умная и совершенно самостоятельная. Так что, этот генерал Бонч-Бруевич уже как-то проявил себя по отношению к арестованным?

– Еще бы! Он выступает с речами перед депутатами местных Советов, призывает расправиться с контрреволюционерами, требует у Керенского перевести всех в настоящую тюрьму, в Могилев, убрать текинцев и приставить революционных солдат. В бывшей гимназии, в библиотеке, удалось найти брошюру со статьями генерала Бонч-Бруевича десятилетней давности, где он призывает к истреблению мятежных элементов без суда. Книжонку послали могилевскому совдепу с дарственной надписью: «Дорогому могилевскому совету от преданного автора».

– Ну и как? Коварный враг революции был разоблачен? – спросил Брянцев. Разумеется, нет. Совдеп полюбил его еще больше, они окончательно сроднились. Вообще, там ведь нет никакой идеологии, никаких принципов. Понимаете, мы продолжаем судить о них с нормальных, человеческих позиций, а они другие. Они вне совести, чести. У Достоевского в «Бесах», помните? Право на бесчестие. Ставрогин говорит, если дать такое право, все к нам прибегут, никого не останется.

С. 383

Недавно я слышала, что Федя служит в ЧК Не верю

С. 281.

[Слова Володи -масона] И вы ничего изменить не сможете. Городовые тоже не смогут. Полиция, жандармерия, армия, казаки – никто не сумеет остановить лавину. Очень скоро тысячи, миллионы таких мужиков с тесаками, с винтовками и пулеметами заполнят улицы Москвы, Петрограда, всей России. Вместо воды в реках потечет кровь, и события девятьсот пятого покажутся легкой опереткой. – Вы как будто рады этому, – заметил Агапкин.

– Я рад, что лавина сметет этот пошлый обывательский мирок, уничтожит скучную буржуазность, биржи, банки, департаменты. Государство прогнило и смердит.

С. 116-117.

В госпитале солдаты стали требовать, чтобы офицеров клали в общие палаты, выздоравливающие раненые создали специальный комитет «по борьбе с контрреволюцией и офицерскими привилегиями», уполномоченные проверяли, одинаковы ли у всех еда, бинты, лекарства, не лечат ли врачи простых солдат хуже, чем офицеров. Если кто-то из низших чинов нечаянно, по привычке, отдавал честь, его объявляли врагом народа. Случались драки. Дрались костылями, загипсованными руками. Санитары не слушались приказов. Разнимать дерущихся приходилось сестрам и врачам.

С. 315.

Закрывались продуктовые лавки, все длиннее становились очереди за хлебом и мясом, все грязнее улицы. Зато в красном кумаче и в духовых оркестрах не было недостатка.

Агитаторы, уполномоченные Советом рабочих и солдатских депутатов, снабженные мандатами, собирали толпу на митинги и демонстрации, возбуждали ее речами, призывами, обещаниями, лестью. Толпа одобрительно слушала и грызла семечки.

С. 316.

Неужели они не чувствуют, как дурно пахнет в городе после победы над царизмом? Они так увлечены своими маршами и песнями, что справляют малую нужду по дороге, в подворотнях и подъездах. Без конца сморкаются и плюют на мостовые. Неужели не видят, как стало грязно? Скажите, откуда взялось столько подсолнухов? Все улицы в шелухе.

– Трудности переходного периода. Детская болезнь новорожденной свободной России. – Агапкин попробовал улыбнуться, но не получилось.

– Что детская болезнь? Убийства? Грабежи? Хаос и грязь?

– Нет. Я говорю только о семечках, – быстро, испуганно пробормотал Агапкин.

С. 327.

Не узнаете меня? – дезертир криво, жалко усмехнулся. – Вижу, не узнаете. Ермолаев моя фамилия. Бывший фельдфебель. Вы мне руку правую спасли. Ну? Помните?

– Узнаю. Помню. Вы, кажется, собирались домой вернуться, к жене, к детям, к старухе матери. Зачем же вы здесь, Ермолаев?

Михаил Владимирович револьвер еще держал, но в кармане. Двое товарищей молчали и смотрели с тупым любопытством. Ермолаев шмыгнул носом, глаза вдруг виновато забегали.

– Да так как-то. Выписался, сразу на вокзал. Поезда не ходят, народу тьма, сидел, ждал, надоело. Со скуки пошел митинговать, там говорят, мол, как отнимем землю у помещиков, перебьем буржуев, пойдет райская жизнь, то да се. – Ермолаев вдруг приблизил к профессору красное опухшее лицо. – Михал Владимырьч, уезжайте за границу, вам здесь оставаться опасно.

С. 338.

Шестидесятилетняя сестра Арина получила удар сапогом в живот. Дитина в черном бушлате волок ночью по коридору тюк с новыми казенными пижамами. У дитины было удостоверение уполномоченного совдепом. Старая монахиня пыталась спасти госпитальное имущество. Вор ударил Арину, беспрепятственно вышел из госпиталя с тюком.

С. 389.

Впервые за эти дни появились прохожие на Тверской, но они стали другими. Московские улицы заполнила новая, неведомая, не совсем человеческая порода. Одиночки шли, затравленно, злобно озираясь, вжав головы в плечи, словно вылезли из каких-то темных вонючих нор. Те, что шли по двое, по трое, вели себя развязно, как в дешевом трактире. Матерились, орали песни, громко, нагло ржали, плевали под ноги. Солдатские шапки, рабочие кепки, котелки, цилиндры, явно чужие, лихо сдвинуты на затылки. Одежда распахнута так, что видно белье.

С. 453.

С 29 января в Петрограде проходила конференция союзников. Высокие представители Франции, Англии, Италии в сопровождении военных и гражданских делегаций совещались на высшем уровне, вырабатывали программу коллективных действий для ускорения победы. В честь конференции происходило много торжественных завтраков, обедов, банкетов. Западные дипломаты увлеченно обсуждали внутреннюю политику России и предлагали свои прогнозы.

Одни считали, что царская монархия вскоре будет свергнута народным восстанием и немедленно заменена конституционным демократическим режимом, согласно программе партии кадетов. Возможно небольшое кровопролитие, но ничего страшного. Новый порядок утвердится скоро и безболезненно.

Другие, напротив, утверждали, что падение царизма приведет Россию к анархии, хаосу и гибели. Россия Потопит себя в собственной крови, от великой державы останутся руины. Едины были в одном: революция неизбежна.

23 февраля конференция закончилась. На следующий день началась революция.

С. 303